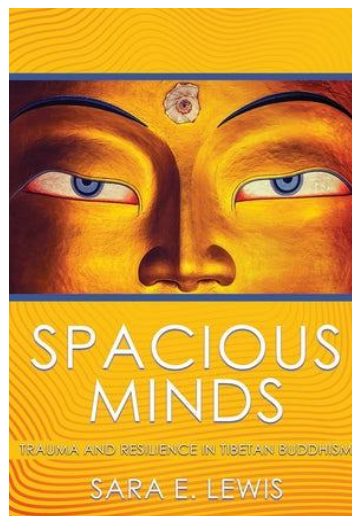

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/22

ТРАВМА И УСТОЙЧИВОСТЬ СРЕДИ ТИБЕТСКИХ БЕЖЕНЦЕВ¹

Lewis S.E. *Spacious Minds: Trauma and Resilience in Tibetan Buddhism*. Cornell University Press, 2020. 252 p. ISBN 9781501715358

Медицинский антрополог Артур Клейнман задавался вопросом о пределах применимости концепции травмы в теории и на практике, особенно в объяснении и преодолении последствий массового насилия (Kleinman 2015). Новая книга Сары Льюис предлагает оригинальные ответы на этот вопрос и переосмысляет понятия социального страдания, агентности и устойчивости (resilience). В книге концептуализировано отношение тибетцев к феномену страдания и собран удачный конструкт тибетской философии в том виде, как ее применяет община беженцев в городе Дхарамсала на севере Индии. Несмотря на множество испытаний (пытки и тюремные заключения сторонников независимости Тибета, дискриминацию тибетской культуры, пешее бегство из КНР через Гималаи, сложности жизни в Индии в неясном социальном и политическом статусе), многие тибетцы в эмиграции живут счастливой жизнью и активно участвуют в движении за свободу своей родины. Год включенного наблюдения за этой группой, знание тибетского языка и

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

психотерапевтическое образование позволили Льюис подробно изучить этот парадокс и прокомментировать ряд важных дискуссий в сфере антропологий психологии и медицины, межкультурной психологии и медицины, а также политологии.

С точки зрения теории структурного насилия, жизненный путь тибетского беженца мог бы включать, например, такую бедственную цепочку: социальное, политическое и культурное притеснение на родине – бегство в другую страну – бедность и неопределенный социальный статус (отсутствие индийского паспорта) – депрессия – потеря круга знакомых – астма. Однако тибетцы размыкают эту цепочку благодаря практике «просторного ума», *семс-па-чен-по*; они активно не допускают перехода горя в хроническое состояние. В большей или меньшей степени, их индивидуальный психический опыт и самовосприятие оказываются защищены (Rylko-Bauer, Farmer 2019). Тибетцы говорят, что *семс-па-чен-по*, особое психическое равновесие, достигается благодаря сочетанию сострадательного отношения к живым существам, включая своих угнетателей, с размышлениями о взаимозависимой природе всех существ и явлений. «Когда мои тибетские собеседники говорят, что конструирование полемических категорий, таких как “угнетенные” и “угнетатели”, упускает что-то более фундаментальное – то, что страдание лежит в центре человеческого опыта, – обычные модели структурного насилия, как кажется, теряют свою весомость», – пишет Льюис (p. 165).

В то время, как в западном восприятии идеальная жизнь – это та, которую сопровождает постоянное счастье, здоровье и благополучие, тибетцы прагматично смотрят на жизнь как на процесс, которому неизбежно присущи трудности и лишения. Принятие своего страдания как естественной части жизни не только способствует их внутренней свободе, но и поддерживает их правозащитное движение. С точки зрения теории агентности, это те психологические процессы, которые лежат в основе действий и решений тибетцев (Frank 2006). Агентность для тибетцев не предполагает усиление эго в том смысле, который вкладывает в это психотерапия. На Западе прочное, отделенное и исправное «я» считается одной из основ эмоционального здоровья (Scheper-Hughes, Lock 1987), а лечение травмы предполагается через возвращение к травмирующему опыту и проработку возникшего вокруг него нарратива (p. 98). Тибетцы используют альтернативный подход: для них и «я», и травмирующий опыт являются зыбкими, ускользающими, неважными.

В частных разговорах тибетцы избегают говорить о своих страданиях, не считают проработку нарративов о травме, просто пересказы своих печальных историй полезными. Несколько западных неправительственных организаций пытались запускать в Дхарамсале центры психотерапевтической поддержки для тибетских беженцев, но все они оказались не востребованы (интересно также, что в местных биомедицинских

клиниках по многу лет хранятся коробки просроченного прозака, халдола и паксила). При том, что психологический язык травмы для тибетцев бесполезен, они умело говорят на нем с журналистами и правозащитниками: так, община в Дхарамсале использует *политический* язык травмы для защиты своих интересов и привлечения внимания к кампании «Сохраним Тибет». Вместо того, чтобы стать постколониальными жертвами западных психологических концептов, тибетцы приспособили их для своих целей.

Льюис называет опыт *семс-па-чен-по* «принципом путеводной звезды»: в ярком и чистом виде он доступен серьезным практикам созерцания и духовенству, но благодаря своей интернализированности в тибетской культуре оказывает влияние на образ жизни, поведение и принятие решений и обычными людьми. Многие тибетцы, которые не считают себя религиозными, объясняли Льюис личное отношение к уничтожению своей культуры в КНР примерно в тех же терминах, что духовенство.

Исследовательница обращает внимание на то, что культурная антропология часто приписывает угнетенным группам статус пассивной жертвы и не исследует то, как они порой успешно справляются с проблемами. По ее мнению, такая позиция говорит об исследователях больше, чем об исследуемых: «Иногда весь Глобальный Юг описывается в этой рамке. <...> Почему-то исследования надежды, прощения, чувства юмора, восстановления, счастья и любви в антропологии очень слабы; исследователи боятся дезавуировать насилие (или, хуже того, опасаются, что люди начнут видеть добро сквозь розовые очки)» (р. 14).

В заключительной части книги Льюис пишет о том, что некоторые культурно окрашенные тибетские практики работы с умом вряд ли подлежат переносу в другие общества и группы. Но сам их принцип – открытость неизбежным жизненным лишениям и видение стресса как всегда преодолимого – может применяться социальными группами, переживающими схожие с тибетцами лишения.

Литература

- Frank K. Agency // *Anthropological Theory*. 2006. Vol. 6 (3). P. 281–302.
Kleinman A. What Does Trauma Do? // *Genocide and Mass Violence: Memory, Symptom, and Recovery* / eds. D.E. Hinton, A.L. Hinton. New York: Cambridge University Press, 2015.
Rylko-Bauer B., Farmer P. Structural Violence, Poverty, and Social Suffering // *The Oxford Handbook of the Social Science of Poverty*. Oxford University Press, 2019.
Scheper-Hughes N., Lock M.M. The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology // *Medical Anthropology Quarterly*. 1987. Vol. 1. No. 1. P. 6–41.

Масленников Игорь Игоревич
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 августа 2020 г.

Maslennikov Igor I.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TRAUMA AND RESILIENCE AMONG TIBETAN REFUGEES*

Review of Lewis S.E. *Spacious Minds: Trauma and Resilience in Tibetan Buddhism*. Cornell University Press, 2020. 252 p. ISBN 9781501715358

DOI: 10.17223/2312461X/29/22

*The review is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

Frank K. Agency, *Anthropological Theory*, 2006, vol. 6 (3), pp. 281–302.

Kleinman A. What Does Trauma Do? In: *Genocide and Mass Violence: Memory, Symptom, and Recovery* / eds. D.E. Hinton, A.L. Hinton. New York: Cambridge University Press, 2015.

Rylko-Bauer B., Farmer P. Structural Violence, Poverty, and Social Suffering. In: *The Oxford Handbook of the Social Science of Poverty*. Oxford University Press, 2019.

Scheper-Hughes N., Lock M. M. The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology, *Medical Anthropology Quarterly*, 1987, vol. 1, no. 1, pp. 6–41.